

УДК 82.0

И.Л. БАГРАТИОН-МУХРАНЕЛИ,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации
факультета иностранных языков
Московского городского психолого-педагогического университета
(Российская Федерация)*

ПРОБЛЕМА КОММУНИКАЦИИ, ДИАЛОГА И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ БАХТИНА

В статье рассматривается проблема диалогизма в контексте эстетико-философских исканий М. Бахтина. Анализируются подходы к исследованию творческого наследия ученого.

Ключевые слова: диалог, коммуникация, автор, герой, художественный метод.

Двадцатый век гуманитарных наук прошел под знаком коммуникаций – начиная с разделения языка и речи в работах Фердинанда де Соссюра, рассмотренная концепция знака и слова в контексте, слова в романе в трудах М.М. Бахтина, перевернувших в числе прочих методику анализа художественного произведения. Проблема автора и героя в эстетической деятельности, содержательность категории жанра художественного произведения, рассмотрение риторических жанров внутри романа – все эти идеи были подхвачены, рассеяны по частям, применены к анализу многочисленных текстов, но по-настоящему, как это отмечают наиболее близкие к нему исследователи – С.С. Аверинцев, С.Г. Бочаров, В.В. Кожин – Бахтин не оставил по себе школы. Несмотря на всемирное признание, в России идеи Бахтина находят не многих реальных продолжателей. С попыткой выстроить генеалогию лирических жанров выступает В.И. Тюпа. О судьбе речевых жанров в применении к Шекспиру и шекспировскому времени пишет И.О. Шайтанов. Основные же исследователи, придерживающиеся структурно-семиотического либо постмодернистского подхода к тексту, бахтинский круг идей как бы выносит за скобки.

Между тем с наследием Бахтина, несмотря на представление о нем как о классическом, далеко не все ясно именно в связи с точностью и тонкостью анализа, который во многом ускользает, поскольку Бахтин не создавал методики и рецепты, а разрабатывал новые подходы.

Проблема диалога разрабатывалась М. Бахтиным в разных аспектах, в литературоведческом, философском и богословском планах. В книге «Проблемы творчества Достоевского» Бахтин показал связь диалога Достоевского с платоновским и библейским диалогом. Рассматривая проблему *понимания* как этапы диалогического движения, он приходит к выводу, что диалектика родилась из диалога, чтобы снова вернуться к диалогу на высшем уровне (*диалогу личностей*), что диалог есть не преддверие к действию, а само действие («К методологии гуманитарных наук»).

«Автор, как Прометей, – пишет М. Бахтин, – создает независимые от себя живые существа (точнее воссоздает), с которыми он оказывается на равных правах. Он не может их завершить, ибо он открыл то, что отличает личность от всего, что не есть личность. Над нею не властно бытие. Таков первое *открытие* художника. Второе открытие – *изображение* (точнее воссоздание) *саморазвивающейся* идеи (не отделимой от личности). Идея становится предметом художественного изображения, раскрывается не в плане системы (фи-

лософской, научной), а в плане человеческого *события*. Третье открытие художника – диалогичность как особая форма взаимодействия между равноправными и равнозначными сознаниями. Все три открытия, в сущности, едины: это три грани одного и того же открытия» [1, с. 297].

Рассматривая художественный метод Достоевского, Бахтин приходит к выводу, что диалогичность не сумма идей или приемов, а самая суть его художественного видения жизни человеческого сознания. Диалогичность Бахтин понимает как преодоление монологазма, как сократический диалог (учитель и ученик). Но кроме того существует и высший пласт отношения к истине. Бог может обойтись без человека, а человек без него нет. «Я осознаю себя и становлюсь самым собою только раскрывая себя для другого, через другого и с помощью другого... Достоевский противостоит всей декадентской и идеалистической (индивидуалистической) культуре, культуре принципиального и безысходного *одиночества*. Он утверждает невозможность одиночества, иллюзорность одиночества. Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть *глубочайшее общение*. *Быть* – значит *общаться*» [1, с. 300].

Диалогическое отношение как единственная форма отношения к человеку-личности, сохраняющая его свободу и незавершенность [1, с. 305]. Эти формы Бахтин рассматривает в связи с проблемой авторства, полифоничности романов Достоевского, отношений автора и героя в эстетической деятельности, далеко выходя за пределы литературоведческого анализа, балансируя на грани теологии и философии.

Но что же такое общение по Бахтину? Основная единица речевого общения – не слово и не предложение, а высказывание. Оно может состоять и из одного слова, и из нескольких предложений.

Для говорящего граница высказывания определяется его речевым замыслом, а не признаками формальной законченности. Для слушателя – возможностью ответа. Этот характер общения коренится и органически вытекает из библейского диалогизма. Г.Р. Яусс в статье «К проблеме диалогического понимания» касается соотносительности речевых жанров и теологии. «Диалогичность присуща христианской религии особым образом: в качестве речевого отношения «Я» и «Ты» между Богом и человеком. Эта связь «Я» и «Ты» уже в книге Бытия (3,9) конституируется в качестве обращения и зова Бога к человеку: «Адам, где ты?» С этого момента диалог между Богом и человеком стоит преимущественно в звательном падеже; речь в звательном наклонении обращается к человеку по имени, именует его в качестве индивидуума, побуждая его из первозданной немоты и даже вознося, приближая человека к Богу в качестве со-участника... В Библии первый монолог Бога («И сказал Бог: да будет свет») вплетен в историю о сотворении мира. Исходя из этого, позволительно вывести теологическую триаду языковых действий: *разговор* как модус откровения перемещается в центр и середину между *рассказом*, как модусом творения, и *песней* или *гимном* как модусом хвалы-славословия, так что «Я» и «Ты» преодолеваются в высшем литургическом «Мы», и разговор переходит в конце концов в благоговейную песнь и священную тишину Саббата» [2, с. 158–159].

Задумываясь над природой языка, коммуникации и сознания Бахтин исходит из того, что опыт искусства заключает в себе особые возможности воспринять и пережить бытие другого как чужое «Ты», а в этом «Ты» – вновь пережить свое «Я», обогатив его.

«Сознание – это гибрид дружности (a hybrid of the otherness) – пишет Майкл Холквист, – которым я являюсь за или вместо другого... Поскольку язык всегда артикулируется и в качестве я (self), и в качестве *другого*, то я никогда не совпадает с собою же: «По роду своего бытия субъективная психика локализована как бы между организмом и внешним миром, <...> организм и мир встречаются в знаке. Психическое переживание является знаковым выражением соприкосновения организма с внешней средой» [3, с. 34]. Язык не тюрма языка, а эко-система (или, как сказал бы кто-нибудь более непринужденно, – эко-система). Сознание, таким образом, имеет свое рабочее место где-то между организмом индивидуального тела с его материальными функциями и механизмом высших функций. Но взаимодействие между активностью сознания и внешним миром нуждается в опосредовании, потому что действуя в опосредовании, потому что, действуя одновременно, они различны. Знак – это средство трансляции того и другого: «То, что делает слово словом, это – его значение. То, что делает переживание переживанием, это тоже – его значение» [4, с. 176–

177]. Холквист замечает, что Бахтин принимает различие между внутренним и внешним, между я и другим и отказывается признать это различие абсолютным. Тогда как Деррида, а также Фрейд и Левинас, которых Деррида подвергает критике, придерживались противоположных позиций. В грамматологии Деррида высказывание характеризуется абсолютным отсутствием интереса к говорящему, в отличие от «мечты об абсолютном присутствии в онто-теологии». Бахтин находит пограничную позицию – между внутренней и внешней речью, где нет онтологически абсолютных границ, но только относительная степень причастности (*sharedness*). «Между психикой и идеологией нет и не может быть границ. <...> Повторяем, всякий внешний идеологический знак, какого бы рода он ни был, со всех сторон омывается внутренними знаками – сознанием», – писал Бахтин в книге «Марксизм и философия языка» [3, с. 43].

Начав строить свою эстетическую теорию с критики теорий вчувствования (книги В. Воррингера «Абстрагирование и вчувствование» (1908) и теории вчувствования Т. Липпса), Бахтин пришел к понятию «внезаходимости», диалогичности сознания: «сознание себя самого все время ощущает себя на фоне сознания о нем другого». Следствием этого было понимание языка как социального события речевого взаимодействия, оппозиция голоса (устной речи) и письма, то есть оппозиция диалогического принципа открытой и монологического принципа готовой и завершенной истины. Три типа слова – прямое слово, непосредственно направленное на предмет; изображенное слово и слово с установкой на речь другого.

«Почему понятие диалогизма могло быть с таким энтузиазмом воспринято теоретиками современных различных убеждений и показаться им выходом из многочисленных затруднений, преследовавших нас на протяжении столь долгого времени, – задается вопросом Поль де Ман в статье «Диалог и Диалогизм», – каким образом «диалог», разработанный Бахтиным и его кружком пытается решить (и, кажется в самом деле решает), преодолевает вновь и вновь возникающую проблему факта, смысла и вымысла в романе?» [5, с. 193].

Термин «диалог» имеет в работах Бахтина два близких, но не совпадающих значения: это, в первом случае, особая композиционная форма речи, во втором – взаимоотношения соотнесенности различных высказываний и целых языков, которая может существовать и вне этой композиционной формы. В этой связи возникает противопоставление обычного, «композиционно выраженного» диалога и «внутренней диалогичности».

«Философская концепция диалога не только симптоматичное и символическое проявление полипарадигмальности, но и попытка сформулировать основные положения (диалогической) этики разума, близкие этике «благоговения перед жизнью» А. Швейцера и «фундаментальной онтологии» М. Хайдегера. Топология диалога не бинарна, «понимание никогда не бывает тавтологией или дублированием, ибо здесь всегда двое и потенциальный третий. Сам «понимающий неизбежно становится *третьим* в диалоге». И он не просто воспринимающий, сторонний толкователь. Текст предполагает высшего *над-адресата*, но и отрицательные моменты – третий, стоящий над диалогом – не может войти в его индивидуально-глубинные пласты. Диалог с третьим – невозможен, он дублируется, заменяется. Сам же третий – является центром, сосредоточием, верховным судьей, мерилом своего мира, а вступающими друг с другом в диалог его обитатели – случайными и несамостоятельными. В первом случае третий – наадресат, Бог, во втором – сами участники диалога» [6, с. 294, 301].

В работах Бахтина понятие диалога разрабатывается систематически не только в диалектическом споре (*exchange*) с преследующей властью монологических дискурсов, но также с формализмом. В его диалоге отношение интралингвистично (именно так – интертекстуально – прочитывает Бахтина Юлия Кристева).

Сегодня в отношении наследия Бахтина существует самый различный спектр мнений. Семиотическое прочтение разительно отличается от герменевтического, литературоведческое от философского. Нет согласия и в том, какие понятия считать наиболее важными. С. Бочаров глубоко прав, говоря о том, что Бахтин не оставил по себе школы, не ввел в научный оборот твердой системы понятий [7] и до сих пор на глубине своих работ скрывает некую тайну. Термины в его трудах употребляются в оригинальном авторском контексте. Ряд исследователей (И.О. Шайтанов) считают, что необходимо дополнить теории Бахтина новыми понятиями, имплицитно присутствующими в его текстах, например понятие «*Prosaics*» [8], подробно разработанное К. Эмерсон и Г.С. Морсоном.

К общепризнанным авторским терминам Бахтина можно отнести понятие «внеаходимости» в анализе романной формы. «Внеаходимость», считает Поль де Ман, – дает основания утверждать в более общей философской перспективе, что Бахтин не только специалист по технике литературного дискурса, но мыслитель или метафизик, имя которого может быть поставлено вслед за Гуссерлем, Хайдеггером или, как верно предполагает Тодоров, Левинасом. Радикальный опыт наделенный голосом другости как путь к возвращенной близости – это и в самом деле доминирующая тема Левинаса, и подспудно она имеет место и у Хайдеггера» [5, с. 197].

В наследии Бахтина очень существенную роль играет возможность дальнейшего применения диалога, в частности связи ее с герменевтикой. Понятие другости, разработанное Бахтиным, позволяет через встречу с текстом вводить новый опыт. «Если в литературном диалоге всех времен становится возможным опыт самопознания в опыте *другого*, то, значит, в эстетически опосредованной другости должно содержаться и быть доступным анализу нечто такое, что позволяет узнать себя также и в чужом. С этой точки зрения, по всей вероятности, находит объяснение столь актуальный в наши дни интерес к исторической антропологии», – пишет Г. Яусс [2, с. 145].

Бахтин радикален в своем доверии к светской культуре, выступая против нигилизма и фанатизма. В. Махлин в статье «В зеркале неабсолютного сочувствия» пишет о том, что идея исторической коммунальности Бахтина оказалась под подозрением в «сталинизме» и «сатанизме». Наследие Бахтина еще далеко не осмыслено. Жаль, что зарубежные авторы проявляют к ним больший интерес. Хочется думать, поскольку интерес к нему проявляют исследователи самых разных направлений гуманитарной мысли, вслед за уяснением теоретической глубины, можно будет использовать их в педагогической практике. Нынешнее состояние бахтиноведения говорит о том, что время его понимания на родине, в России – все еще впереди.

Список использованных источников

1. Бахтин М.М. План доработки книги «Проблемы поэтики Достоевского» / М.М. Бахтин // Контекст. 1976. Литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1977. – С. 295–316.
2. Яусс Г.Р. К проблеме диалогического понимания / Г.Р. Яусс // Михаил Михайлович Бахтин. Философия России второй половины XX века. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 143–163.
3. Волошинов В.Н. (М. Бахтин) Марксизм и философия языка / В.Н. Волошинов (М. Бахтин). – М.: Лабиринт, 1993. – 192 с.
4. Холквист М. Услышанная неслышимость: Бахтин и Деррида / Майкл Холквист // Михаил Михайлович Бахтин. Философия России второй половины XX века. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 164–190.
5. Ман П. де. Диалог и диалогизм / Поль де Ман // Михаил Михайлович Бахтин. Философия России второй половины XX века. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 191–203.
6. Харитонов В.В. Диалогика Бахтина и проблема полипарадигмальности современной духовной ситуации / В.В. Харитонов // Михаил Бахтин Pro et Contra. – СПб.: изд. Христианского гуманитарного института, 2002. – Т. 2. – С. 297–303.
7. Бочаров С.Г. Событие бытия. М.М. Бахтин и мы в дни его столетия / С.Г. Бочаров // Сюжеты русской литературы. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 503–520.
8. Emerson C. First Hundred Years of Mikhail Bakhtin. Dialogism / C. Emerson // An International Journal of Bakhtin Studies. – Princeton-New Jersey: Ed. By David Shepherd, 1988. – 295 p.

У статті розглядається проблема діалогізму в контексті естетико-філософських пошуків М. Бахтіна. Аналізуються підходи до дослідження творчої спадщини науковця.

Ключові слова: діалог, комунікація, автор, герой, художній метод.

In article the dialogism problem in a context of aesthetic-philosophical searches of M. Bakhtin is considered. Approaches to research of a creative heritage of the scientist are analyzed.

Key words: dialogue, the communications, the author, hero, an art method.

Одержано 14.05.2014.